

Андрей РУДАЛЕВ

Родился в 1975 году в городе Северодвинске Архангельской области. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета, два года работал там же на кафедре литературы. После был охранником в ночном клубе, замредактора в рекламной газете, корреспондентом «Северного рабочего», пресс-секретарем Совета депутатов Северодвинска.

Участник форумов молодых писателей в Липках. Лауреат литературной премии «Эврика!» (2006). Автор книг «Жизнь по чужим лекалам», «Письмена нового времени». С критикой и публицистикой выступает во множестве периодических изданий. Живет в Северодвинске.

ВРЕМЯ ШОЛОХОВА

При чтении книги Захара Прилепина «Шолохов. Незаконный» вспомнились детские впечатления о писателе. Еще докнижные.

Сообщение по ТВ о смерти писателя. Тогда смерти уже не удивляли. Шла черед кремлевских. После первой из них освобождали с уроков, распределяли по несколько младшеклассников, чтобы дома совместно просматривали трансляцию траурной церемонии.

Но тут было другое: запомнилось невероятное количество света и тепла. Видимо, был показ каких-то документалок о писателе. Сам Шолохов, его дом, берег Дона. И свет, свет. И нет ему края.

Уже после, в юношеском возрасте, переживалось чудовищное ощущение украденной страны, культуры, перерастающее в чувство стыда, сшибающее с ног. Переживание дикой подмены, какой-то оккупации, что ли. Одной из примет ее были голоса: не он, не он. Выкрал, нашел, переписал чужое. Крюков, неизвестный белогвардеец. Да кто угодно, только не он. Пытались навесить клеймо незаконного, с каким он и провел первые годы жизни.

И через это «не он» шло подлое и агрессивное самозванство. Через это «не он» жгли и крушили все вокруг. Лгали и хвастались своей ложью.

Невероятный светоносный гений не вмещался в конструкцию зазеркалья новых реалий, объясняющих все советское торжеством хама. Понимали, что только один такой ходатай мог отомстить время. Поэтому и шипели из каждого угла, из всякой щели: не он, не он...

Он же уже перешел в ранг небесных заступников отечественной цивилизации, он один крушил всю победившую чудовищную идеоло-

гию отмены. Утверждений, что на отечественной почве что-то стоящее могло появиться, либо когда-то давно и все это безвозвратно потеряно, либо все чужое и привнесенное, а тутошняя земля – неродимая.

И это «не он» каждый раз воспринималось личным унижением и оплеванностью. Периодически в новостях прорывались новые данные об установлении авторства, о найденных черновиках, но хор не смолкал: «не он». Кто угодно, но не он!

Прилепин сказал: он и только он, другого и быть не могло, и дело его было даже нечеловеческим и надмирным.

Но мы-то всегда и знали, что – он, что это мы, что это наш свет и ничей другой. Что это Шолохов, что так и нас зовут, что это и наше имя. А то, что было с «не», с отрицанием и вымарыванием – так это морок, подменная реальность и клевета на самих себя.

* * *

«Мы должны сами объяснить, как это все случилось», – говорит в книге Захара Прилепина «Шолохов. Незаконный» автор «Тихого Дона» генсеку Брежневу, пробивая в печать новые главы первой книги «Они сражались за Родину». А там – конец 30-х. О том, как пропадали люди, горькая правда о репрессиях, как все было на самом деле, а не пропагандистская агитка. Шло начало 1969 года, когда еще был шанс до погружения страны в подобие летаргического сна, из которого, как раз и выведут шоковым образом те, которые принялись объяснять по-своему.

С одной стороны, пресловутое слякотное и непроезжее время – оттепель, когда на поверхность выходит весь неприглядный сор, накопившийся за долгое время. С другой – приближающееся столетие Ленина, недавний юбилей революции, который мог бы не просто потонуть в потоке торжественных славословий, а стать поводом для ответа на вопрос: «чего мы хотим?», для перезагрузки системы.

А чего хотели на самом деле? Многое свершили, все, что возможно превозмогли и победили, вот даже и космос покорили и что теперь? Что могли противопоставить оппонентам, которые все четче формулируют свое видение пути, окончательно оформившееся в перестройку. Выстраивают позицию с порывом все перечеркнуть и отменить. Символично, что в том же 1969 году вышло произведение Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?», в котором – боль и крик отчаяния от видения разложения общества свидетелями и проповедниками западного проекта, от понимания перспектив этих процессов.

Могла бы произойти перезагрузка отечественного цивилизационного проекта, вместо этого стала прогрессировать выхолощенность, обозначившаяся еще в послевоенные годы. Та самая оттепель ей противопоставилась и, безусловно, воспринималась более выигрышной и привлекательной. Она шла через критику советского проекта. Глубинная же мотивация состояла в отрицании суверенного отечественного цивилизационного пути.

Как пишет Прилепин, оттепели «хватило на то, чтобы выкормить, выпустить на свет расчетливо-буйного Солженицына, затаившегося навек в обиде за репрессированного отца Окуджаву и набаловков невероятной силы: Евтушенко, Аксенова, прочих.

Оттепели не хватило на то, чтоб дать в “Правде” страшные предвоенные главы “Они сражались за Родину”, – книги, где имелся бы

не только судебный приговор эпохе, но и в финале, быть может, оправдательный вердикт».

Все вело к тому, что «золотая середина, должна хранить здравомыслие нации, таяла». «Западники» обретали все большее влияние, патриотический же фланг культуры, «русскую партию» смещали на маргинальную периферию.

Старалась в этом и власть, которая видела в патриотическом лагере большую опасность. Так, будущий архитектор перестройки Александр Яковлев устроил разнос почвенникам, опубликовав в 1972 году в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма». Антиисторизм, который вменялся им в вину, заключался в том, что они якобы пытаются развернуть историю вспять. Поклоняются бывшим правителям, иконам, инфицированы буржуазными заблуждениями. В перестройку их уже кляли «совками», люмпенами, красно-коричневыми, фашистами и так далее.

Тоже ведь вопрос вопросов: отчего власть из раза в раз ставит на западников и либералов? Видит в них прогрессивный потенциал? Или так пытается с ними договориться, ублажить и умиловить, делает тех самых «набаловков невероятной силы», а после получает то, что получает, – и, как правило, удар в спину. Может, в силу того, что с почвенниками разговор более тяжелый, предметный, глубинный и серьезный, ведь у них как раз сама правда, а не ее подобие, которым можно манипулировать и подстраивать под конъюнктуру. Правду же патриотов пытались, как книгу Шолохова, оскопить, выхолостить, свести к кондовому охранительству или управляемому госпатриотизму. Но так и выстраивалось из раза в раз кривое зеркало. Его и сейчас мы получили. Привет старым граблям.

Кстати, в те же годы против выхолащивания и за правдивый разговор выступил, например, и писатель Федор Абрамов. Перед 50-летием Октября он ставил довольно жесткие вопросы в противовес юбилейному воспеванию и восславлению.

«Почему, почему, почему... Целый лес “почему”!» – кипели вопросами представители рабочего класса – «хозяина страны» в абрамовском «Доме». Народ в его произведениях пытался мыслить, рассуждать и «в масштабах страны, и в масштабах всего шарика». В ответ – либо замалчивание, либо чужая подменная «правда».

Вот и Абрамов в шолоховском духе писал, что если не будем честны сами перед собой, то всю «правду» вывалят другие и тогда мало не покажется: «Мы не имеем права замалчивать, упрощать все сложности и трудности нашего исторического пути. Не объясним мы – объяснят другие, только объяснят по-своему. Мы не скажем своим голосом всей правды – скажут другие “голоса”, только скажут по-своему» («Слово в ядерный век», 1981 год).

И еще: со всеми своими вопросами и претензиями к советскому, он также вел любовный разговор, исполненный чувством Родины, потому что, «только люди с пустой душой теряют сыновнее чувство Родины». После, в перестройку, как раз и вскрылась пустота, и сыновнее чувство затерялось.

Да, это была шолоховская тема, которая, увы, не случилась, иначе бы страна вновь, как перед Великой войной получила поводья к объединению общества. Как показывает в своей книге Прилепин, Шолохов работал с крупнейшими катастрофами русского XX века: Первая мировая и Гражданская война, коллективизация, Великая Отечествен-

ная. Главная мотивация все та же: «мы должны сами объяснить, как это все случилось». Иначе, свое слово скажут другие. Слово безлюбное, цель которого вовсе не правда, а ее выверт.

Так получилось, что, например, Сталин понимал все это и допускал к публикации и «Тихий Дон», и «Поднятую целину». Понимал важность национального эпоса, который объяснит сложнейшие вехи отечественной истории. Их ни под какой лавкой не спрячешь, правда все равно рано или поздно проявится. Весь вопрос в оптике этой правды: будет ли она любовная к стране, к человеку или подменная, манипулятивная – подобие правды, противопоставляющая реальности пустоту. Ту самую темную баню с пауками.

Вот и оказалось, что «при Сталине посвободней было, – вполне мог подумать тогда Шолохов», – пишет Захар Прилепин. Подумать после того, как лично Брежнев отредактировал-оскопил его правду. Тем самым запечатал «свою», но поток чужой уже не мог остановить, только лишь все больше придавал ей ценности и значимости. Так пустота обретала плоть и кровь, накачивала свои мускулы, обретала мотивацию.

Шолохов же все ясно видел. Он был тем самым необходимым поводырем через русский катастрофический XX век. Но в финале проводником стал Солженицын, много сделавший для того самого обвала, про который писал в девяностые.

Так, Захар Прилепин отмечает: «Шолохов дал подробную оценку Солженицыну: ”страдающий манией величия... злобный антисоветский человек“, который несет ”огромную опасность“. Он видел то, чего ни оттепельная интеллигенция, ни подслеповатые вожди были не в состоянии разглядеть. Неумолимо, еще незримая, близилась эпоха самоуверенной власовщины».

Поединок разворачивался. Как поступили с Шолоховым, как полемизировали с ним? Попросту вытащили на свет божий все наветы и клевету завистников, которая проявилась еще в 20-е годы. Тогда был шок от появления великой книги, правдивой и необычайно смелой. После все это переработали в оружие «идеологической конъюнктуры», чтобы раз и навсегда отменить. Застрельщиком выступил тот же Солженицын, который нес свою «правду». Собирал ее в смертоносный и разрушительный ком любой ценой, не гнушаясь никакими методами.

Это было личной мстостью за то, что Шолохов и его узрел настоящего. Он стоял перед ним, будто голый, и этого своего срама не мог простить. А тут еще и идеологический враг. Не Солженицын придумал, но он сделал легитимным подобный стиль борьбы любой ценой. Через подлог, клевету, через придуманных сто миллионов жертв ГУЛАГа, то есть использовавший трагедию в личных корыстных целях. Именно так стилистически и стратегически позже будет оформлена перестройка, боровшаяся и сметающая с пути своих врагов и любое инакомыслие. В том числе и тех, кто мог стать поводьями для общества, чтобы его сохранить.

Михаил Шолохов ушел накануне перестройки. Годом ранее – Федор Абрамов. А через пару лет Валентин Распутин уже стал писать про отчетливо различимый пожар, а Юрий Бондарев предупреждал про перестроечный самолет. Вскоре развернулся и водоворот Бермудского треугольника...

Вот и сейчас, когда вновь проявилось время отечественного эпоса, крайне важен все тот же императив: «мы должны сами объяснить, как это все случилось». И мы знаем, что произойдет, если объяснят другие. Это будет катастрофа.

Возникает вопрос: как рассказать, как объяснить?

Об этом тоже все есть у Михаила Александровича. Ответ заключается в пути его главного героя. «Страшный урок Григория Мелехова состоял в том, что он, даже запутавшийся и загнанный, не мыслился отделённым от России. Всякая лихая круговерть вновь и вновь возвращает его к порогу родного дома», – пишет Захар Прилепин. Таков ведь путь и шукшинского Егора Прокудина, и прилепинского Саньки Тишина, который сам себя называет «проклятым».

Объяснять через чувство своей нераздельности. Через любовь и правду. Как это делал Михаил Шолохов.

* * *

После 24 февраля Россия начала познавать себя. Сурово, болезненно. Но возвращаться к себе настоящей. И здесь вновь жизненно необходим примат шолоховской правды. В том числе правды о том, как все началось, как произошел раскол, приведший, по сути, к новой гражданской войне. Правда о перестройке, как она назревала, как развивалась и какие последствия оставляла после себя.

Об этом также есть у Михаила Александровича. Захар Прилепин рассказывает о его письме Леониду Брежневу, написанном весной 1978 года. Вместе с будущим генсеком укрывались на войне одной шинелью, почему бы и сейчас не попробовать укрыть, уберечь всю державу? Она вовсе не была обреченной, но ее прозевали через выхолощенность правды.

В том письме, как пишет Прилепин, писатель «наперед угадал те риторические фразы, с которых начнется разрушение государственности». Это и «социализм с человеческим лицом» и отечественное варварство, педалирование темы отрицательного генетического отбора, который якобы создал агрессивного и ленивого раба, люмпена. Это и принижение роли русской культуры, вплоть до ее отмены и подмены.

Все потому, что, по словам Захара Прилепина, в России постепенно вырастили две культуры: «первая хранит Отечество и печется о русском народе. Другая – России втайне враждебна». Уже тогда все это было очевидно.

Поэтому будущая и скорая катастрофа предчувствовалась. Ее предощущал не только Шолохов, но и очень многие отечественные литераторы, которые не отворачивались и не отрекались от своей страны. Но покров шинели на этот раз оказался слишком мал, в него укуталась лишь сама власть, переставая объективно воспринимать происходящие процессы. Так и не ответившая должным образом на шолоховское предупреждение, обернув искреннюю тревогу и боль в свой чиновный формализм.

Речь ведь не только о том времени, но и о нашем. Оно совершенно шолоховское, то есть одновременно грандиозное и катастрофичное. Чтобы не скатиться в катастрофу и, наоборот, достичь желаемой победы и победительности, надо следовать и его заветам, не отмахиваться от писателя.